

# Национальная безопасность России и дипломатия

С директором Центра политических исследований Владимиром ОРЛОВЫМ беседует обозреватель «Красной звезды»

- В канун великого праздника Победы, наверное, очень кстати поговорить о таком важном и чрезвычайно сложном предмете, как национальная безопасность. В общественном сознании она существует как безопасность прежде всего военной. Да и исторический опыт в этом смысле делает очевидную подсказку: военно-силовые решения широко применялись для урегулирования международных проблем. И все-таки, Владимир Андреевич, какая тут, по-вашему, тенденция?

- Да, конечно, сегодня невольно окидываешь взглядом пройденный Советским Союзом, а затем Россией путь после той великой Победы. Путь от сорока пятю до того сложного, противоречивого состояния, в котором мы находимся. Тогда под воздействием достигнутых военных успехов преобладали романтические настроения. Хотя политики жестко просчитывали результаты, которые принесли Ялта, Потсдам и т. д. Я думаю, что и сейчас мы как бы слышим отголоски тех дней. Но не в меньшей степени над нами довлеет раздел, произошедший в итоге «холодной войны», которую Россия, признаем это, проиграла. И ей приходится прилагать усилия по обеспечению своей безопасности.

Мир сильно изменился. Эта констатация присутствует как в официальных документах любого уровня, так и в разработках организаций различной ориентации. Соответственно изменилась оценка понятия «безопасность», ее составных частей. На первый план вышли наряду с военной другие категории безопасности. Это - реальность, с которой мы теперь все время сталкиваемся и к которой еще не привыкли. Мы уже активно употребляем в качестве клише фразу типа: «Оборонная составляющая важна. Но не единственная». Хотя в нашу плоть это понимание еще не вошло. Россия пока на самом первом этапе движения к осознанию этой реальности, пониманию приоритетности внешнеэкономических, внешнеполитических задач в процессе обеспечения национальной безопасности.

- Мы недавно пережили период пространных дискуссий насчет того, что отсутствие у Москвы ясно сформулированной концепции национальной безопасности является чуть ли не главным тормозом поступательного движения на этом направлении. Сейчас концепция имеется, она разработана. Вы считаете, что нача-

лись какие-то реальные перемены?

- Я думаю, что было бы самобытным полагать, что движение началось. Что с рождением документа в соответствии с указом президента в декабре 1997 года открылась эпоха практических шагов на пути к совершенствованию национальной безопасности. Это - во многом символ. Бумага не может сама по себе материализоваться в какие-либо радикальные дела по улучшению ситуации. Она может лишь зафиксировать состояние, в каком пребывает общество, наметить приоритеты в ряду задач. В этом смысле концепция - документ необходимый. Я имею в виду концепцию вообще. Принятая же нами Концепция национальной безопасности, на мой взгляд, проясняет далеко не все.

- А что, собственно, вас смущает в принятой концепции?

- Меня смущает то, что это - объемный и местами слишком водянистый материал. В нем много места для банальностей. Я напому, что текст готовила команда, возглавляемая Рыбкиным, а не команда Кокوشина, пришедшая в Совет безопасности со своими новыми идеями. В документе нет сколь-нибудь ярких и оригинальных решений. По стилю он похож на отчетные доклады ЦК КПСС съездам: сначала идут плюсы, потом минусы и т. п. Я бы не сказал, что оценки, содержащиеся в концепции, отмечены напряжением научной мысли. Скорее, они склеены по верхам.

В той части документа, где ставятся задачи по направлениям - экономическому, внешнеполитическому, оборонному, экологическому, текст представляется неровным. Есть хорошо отработанные позиции, а есть сырые фрагменты. Если все это рассматривать как проект, то можно было бы сказать, что здесь есть серьезная основа для мозгового штурма, для обсуждения и теоретиками, и практиками - с тем, чтобы был сформулирован более компактный и динамичный документ. Утвержденный же текст, по-моему, страдает серьезными огрехами в констатирующей части и неотработанностью в части рекомендаций, где в общих словах ощущается растерянность разработчиков.

- Как вы заметили, в процессе обеспечения национальной безопасности все более приоритетной становится внешняя политика. Но что она может сделать, когда для всех очевидны прорехи в эко-

номике, обороне да и в морально-психологическом состоянии общества?

- В этом и заключается особенность нынешней российской ситуации: когда возможности экономики и обороны по различным причинам ограничены, на первый план выходит дипломатия, что, кстати, отражено и в концепции национальной безопасности, где внешняя политика и оборонная сфера рассматриваются как приоритеты и взаимодополняющие понятия. Несомненно, роль дипломатического решения проблем в обстановке, когда мир отошел в основном от решения конфликтов военным путем, стала значительно более высокой. Достаточно посмотреть на последние примеры, связанные с тем же иракским кризисом или с балканским урегулированием, чтобы увидеть, как российская дипломатия пытается проявить свое самостоятельное лицо. В этой связи мне бы меньше всего хотелось сейчас бросить камень в огород российских дипломатов. Нельзя не видеть, находясь здесь, в России, в каких, я не побоюсь сказать, безумно трудных условиях вынуждены работать российская дипломатическая машина. В условиях, когда все прочие механизмы не могут обеспечить того высокого уровня, какой требуется от России как от великой державы. Ядерная мощь в этом плане - то немногое, что позволяет нашей дипломатии чувствовать себя уверенной. Во всем остальном слишком много прорех, связанных в том числе и с финансовой зависимостью от других.

- Равноправное положение России в системе международных хозяйственных связей - тоже фактор национальной безопасности. Это объявлено одним из приоритетов деятельности МИД. Насколько, по-вашему, продуктивна эта деятельность сегодня?

- Вы знаете, я бы рассмотрел данный момент лишь с точки зрения благого пожелания. МИД не в состоянии решить такую задачу, он в состоянии лишь двигаться в направлении к этому, приближаясь к возможности реально влиять на ситуацию. В определенном смысле речь может идти об осознании необходимости не попадать в экономическую зависимость от закрытых, полуоткрытых и т. п. структур и клубов. Это осознание растет в российском Правительстве, в новом кабинете. В нынешнем положении Россия не может на равных вести диалог с Соединенными Штатами и

другими сильными партнерами.

- Наверное, России легче было бы строить свою политику в отношении этих стран, если бы она имела урегулированные отношения с государствами так называемого ближнего зарубежья. Но их-то и нет. Что сегодня, на ваш взгляд, делается не так, чтобы остановить дальнейшее разрушение связей? И вообще - не приращивает ли у нас это направление внешней политики?

- Нет, я не считаю, что мы придаем ему второстепенный статус сейчас. Слишком скучно рассказывать историю, которая произошла в 1991-1992 годах, когда ближнему зарубежью мы придавали не второстепенное, а третьестепенное значение. Это было отчасти по недомыслию, отчасти по причине драматизации ситуации, отсутствия точных расчетов. Тогда мы стали превращать своих объективных партнеров, соседей в участников каких-то геополитических игр, а иногда и в потенциальных противников. Восстановить то, что было в самом начале 90-х годов, я думаю, очень сложно.

Что касается сегодняшнего дня, то существующие программные документы и сама практика говорят о том, что политика в отношении СНГ ведется очень активно. Она доминирует в оценках, затрагивающих национальную безопасность России. Понимание важности этого направления налицо. К примеру, важности стратегического союза с Белоруссией или таможенного союза с Казахстаном. Важности подключения к ним Киргизии и других стран. То есть на концептуальном уровне ситуация выправляется. На практическом же уровне я вижу равнение многих ведомств заниматься связями в рамках СНГ. И в МИД это направление не в заго-не. Может быть, даже мы несколько распылили усилия здесь, направив в это русло и профессионалов, и предпринимательские структуры, которые решают свои корпоративные задачи, отстаивают, как сейчас говорят, олигархические интересы - и не всегда на пользу России.

- Вы полагаете, можно еще переломить центробежную тенденцию? Еще, как говорят, не вечер?

- Бююсь, что уже настали сумерки. Все, что сегодня делается, делается с опозданием. И никакие саммиты СНГ не помогут, чтобы возродить положение, сложившееся на рубеже 1991-1992 годов. Ведь тогда была хорошая возможность на основе общих экономических интере-

сов, традиций, лингвистической общности сохранить это объединение. Сейчас же, когда поезд ушел, мы в состоянии сделать по максимуму то, что в 1992-м могли сделать по минимуму. В частности, мы должны сохранить действие Ташкентского договора 1993 года. По крайней мере как документ, на который можно опираться. Вторая задача-минимум, которую можно попытаться решить, - это создание единого экономического пространства. По меньшей мере на части территории Содружества, которая еще не утратила к нам интерес.

В общем, я хочу еще раз подчеркнуть, что в последнее время Россия очень активно работает на направлении ближнего зарубежья. Но слишком многое уже упущено, убогание от России имеет необратимый характер. Это видно и в той группе ГУАМ, которая была создана как бы в противовес российскому влиянию (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Это ощущается и в Центральноевропейском союзе. Наконец, об этом свидетельствует растущее американское проникновение в Центральную Азию и Закавказье. Москва пытается что-то этому противопоставить, но увы...

- В завершение нашей беседы вернемся к связи великой Победы и национальной безопасности. Скажите, вам не приходилось размышлять над тем, что наша Победа, став источником небывалого патриотизма и национальной гордости, в то же время создала инерцию эйфории, помешавшую нам удерживать завоеванные огромной ценой позиции? И что эта инерция до сих пор негативно сказывается на решении всех тех вопросов, из которых и складывается понятие «безопасность государства»?

- Да, конечно, об этом приходилось думать. Но опять же я полагаю, что для политического руководства Советского Союза эйфория не являлась доминирующим фактором. Оно продолжало бороться за место в новой системе международных отношений, сложившейся по результатам второй мировой войны, исходя из своего видения общей перспективы. И в этом плане, я думаю, в те годы были допущены серьезные политические просчеты, связанные не с эйфорией Победы, а с эйфорией экспансии, со стремлением расширить сферы влияния в Европе. Мы оказались неготовыми предложить рациональные формы хозяйствования, скажем, в той же ГДР. Непродуманной оказалась дипломатия и на восточном направлении. Неверными были прогнозы относительно Китая, в результате чего дискомфорт на границах с ним мы ощущаем по сей день. Словом, имели место просчеты и неумение мыслить рационально, с карандашом в руке. И это сказалось в дальнейшем на характере общего политического развития и, естественно, на судьбах России.

Беседу вел  
Вадим МАРКУШИН.